

кого именно вида иудаизм).⁵³ Но в общем в средние века — соответственно изменениям в исторической обстановке и в самом иудаизме — еврейские общины практически замкнулись. В ряде европейских стран были приняты законы, запрещающие обращение иудеями христиан. С другой стороны, у самих евреев в средние века выработалась особая чувствительность к вопросам чистоты крови;⁵⁴ и к тому же изречения отцов талмудического раввинизма, вроде «прозелит причиняет такие же беспокойства, как чесотка», стали со временем восприниматься как религиозное запрещение прозелитизма. Все это имело результатом безразличие иудеев к проповедничеству среди иноверцев.⁵⁵ Как пишет современный американский гебраист, «диалоги между евреями и христианами о религии противоречат истории настоящего иудаизма. Евреи никогда не были заинтересованы в диалогах с христианами о религии. Евреи не хотят ни обращать христиан в иудаизм, ни быть обращенными в христианство. Диалоги и диспуты, которые имели место между евреями и христианами в течение средних веков, были навязаны евреям».⁵⁶

А мы видели, что учителя «хиония» имели с фессалоникийцами нечто вроде диспута на вероисповедные темы, и эта встреча могла, очевидно, окончиться иначе, а именно — обращением этих горожан в «хионство» вслед за обращенным уже «хионием» с «братией». И «хион», беседовавший с Григорием Паламой, кто-то же обратил в иудаизм. И болгарские жидовствующие XIV в. проповедовали среди христиан.

Большое влияние на караимство оказал ислам. Поэтому еврей-раввинисты пренебрежительно называли караимов «учениками измаилитов». «В самом деле, — поясняет современный исследователь, — центр караимского духовного творчества находился в мусульманской Палестине. Сокровищница благосостояния караимов и их политической силы была в мусульманском Египте. Вся известная караимская литература была (до XI в., — Г. П.) на арабском языке... Караимская философия была верным отражением исламского калама; караимские правовые рассуждения очень сильно зависели от исламских принципов кийас и джма; приверженность караимов к наблюдениям Луны напоминала исламский лунный год; а распространенные раввинистические рассказы ставили (не без определенного умысла) акцент на роли, которая приписывалась мусульманскому юристу Абу Ханифе в научении Анана, как вырваться из еврейского загона».⁵⁷ Одевались⁵⁸ и назывались⁵⁹ караимы так же, как мусульмане.

Ясно, что при таких традициях «хионам» не трудно было представлять себя турками.

На землях мусульман, пользуясь их покровительством, караимы процветали. В Египте XI в. они «даже угнетали евреев, стараясь переманить

⁵³ N. Golb. Obadiah the Proselyte: Scribe of a unique Twelfth-century Manuscript containing Lombardic Neums. — «The Journal of Religion», Vol. XLV, № 2, April 1965, p. 154, fn. 7.

⁵⁴ Z. Ankory. Karaites in Byzantium, p. 74.

⁵⁵ W. G. Braude. Jewish Proselyting, p. 42—48.

⁵⁶ S. Zeitlin. Judaism and Professors of Religion. — «The Jewish Quarterly Review», Vol. LX, January 1970, № 3, p. 196.

⁵⁷ Z. Ankory. Karaites in Byzantium, p. 364.

⁵⁸ Караимы весьма охотно «применяются к нравам и обычаям тех народов, между которыми суждено им жить, принимая без упорства местный костюм, что весьма важно для детей неподвижного, исключительного Востока» (Журнал министерства внутренних дел, 1843, № 2, стр. 281).

⁵⁹ Среди множества туркизированных караимских имен встречались в XV в. на бывших византийских землях и греческие. См.: Z. Ankory. Karaites in Byzantium, p. 59, 199—200.